

культуры. Они базируются на внутренней феноменальности смысла как таковой, отражающей внутренне измерение события осознания. При этом язык коренится в феноменальности смысла; логика – в структуре (расположенности) субъектных сто-

рон складывания смысла. Действуют же они на уровне выражения смысла как моменты собственно экспрессивный и понимающий-проясняющий. Действие этих моментов в искусстве тесно сплавлено, но тем не менее не предстает нерасчленимым.

Литература

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
2. Gadamer G.H. Begriffsgeschichte als Philosophie: Kleine Schriften. Bd. 3. Tübingen, 1972.
3. Мерло-Понти М. О феноменологии языка // Мерло-Понти М. В защиту философии. М., 1996.
4. Философский энциклопедический словарь. М., 1997.
5. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М., 1997.
6. Бибихин В.В. Язык философии. М., 1993.
7. Wittgenstein L. Notebooks 1914–1916. Oxford, 1979.
8. Делез Ж. Логика смысла. М., 1995.
9. Хайдеггер М. Язык. СПб., 1991.

Н.С. Катунина

ДИАЛЕКТИКА ДУШИ И СОЗНАНИЯ В ДУХОВНОЙ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Владимирский государственный педагогический университет

Традиционно духовность человека рассматривается в феноменологическом ракурсе, через совокупность чувств, мыслей, смыслов и ценностей. Речь идет об отношении человека к природе, обществу, культуре, другому человеку. Даже в отношении «Я–Ты» духовность исследуется односторонне – не учитываются разные уровни отношений: отношения на уровне тела, отношения душ, отношения умов. Здесь проявляются разные формы духовности и бездуховности. Цель данного исследования: рассмотреть духовность человека в сущностном аспекте. Наша задача показать, что субстанциальным основанием внутренней духовности человека служит единство противоположностей души и сознания.

Так, С. Франк в книге «Душа человека» пишет: «В той мере, в какой жить важнее, чем сознавать, душевная жизнь есть прежде всего реальная сила, и она лишь производным образом является идеальным носителем сознания. Сознание и жизнь, будучи связанными между собой, в то же время сущностно антагонистичны: чистое сознание есть бездействие, душевная смерть; чистая жизнь как всемогущая сила есть совершенная слепота сознания» [1, с. 128].

Согласно С. Франку, все мерки, все стереотипы восприятия мира, мышления и поведения становятся возможными благодаря внутреннему интимному слою нашей жизни. Такой океан переживаний создаёт досмысловую сферу, является потенциальной основой сознания. Однако ду-

шевная жизнь как реальное переживание качественно отличается от сознания. Поэтому в объективном наблюдении человек как живое существо не может раздваиваться на субъект и объект при самонаблюдении, где познающий субъект лишь чистый теоретический взор, чистое внимание, а душевная жизнь разворачивается перед этим взором как отчуждённая внешняя картина. Следовательно, С. Франк, отрицая наличие в переживании субъективного отношения в познании душевной жизни, вместе с тем утверждает всё многообразие чувств душевной жизни, которые могут наблюдаться только внутренне, в переживании неразложимого единства «живого знания» и, следовательно, не могут изучаться объективно через внешнее анатомирование или психологическую вивисекцию [1, с. 442]. Но в таком случае о каком «живом знании» в момент переживания можно говорить? Ведь человек в состоянии страсти – в восторге любви или припадке ярости, в кошмаре безысходного отчаяния – теряет типичные черты нормального сознания: представление о пространстве и времени, о внешнем мире, нашем «Я» и различия между ними. Ответ на поставленный вопрос нам предстоит найти.

Опыт диалектического синтеза души и сознания предпринял Гегель. В работе «Философия духа» он рассматривает Дух в качестве начала, объединяющего душу и сознание [2, с. 40]. Исходную (генетическую) форму развития Духа в качестве души он определяет как реальность бытия Духа в теле чело-

века. Душа является **основой** человека. Она есть всепроникающее, а не только существующее в отдельном индивидууме, в то же время она есть индивидуальная, особым образом определённая душа, содержащая в своей глубине многообразные определения или особенности, которые проявляются как влечения, склонности: любовь к родителям, родственникам, друзьям и т.д. Ибо я не могу быть любящим другом вообще. Всё индивидуально во мне, и мною переживаемые всеобщие определения души составляют мою действительность. Я весь этот круг определений [2, с. 132].

Как видим, для Гегеля душа – это индивидуально переживаемые всеобщие определения в качестве сил жизни человека, проявляющихся в виде влечений и склонностей индивидуума: конституирует душу индивидуально переживаемое чувство любви, которое в единстве с другими чувствами делает её основой человека. Душа есть нечто всеобщее и всепроникающее, что выходит за пределы индивидуума и существует в качестве истины, идеального в противоположность материальному. В этом смысле душа нетелесна и не возникает физиологически. Она интересубъективна, т.е. конституируется миром социального.

Душа, по Гегелю, существует в человеческих отношениях и через человеческие отношения. Именно в этом смысле «душа – это нечто всепроникающее», а не существующее в отдельном, особенном человеке. Как истина, душа должна быть отражением сущности развивающегося материального мира, его квинтэссенцией. Можно, вероятно, говорить о всеобщем в душе как архетипе бессознательного, прежде всего коллективного, родового. Именно поэтому душа ещё не стала сознанием, хотя и выполняет роль истины в потоке жизни человека.

Развитие всеобщего, идеального не детерминировано природой. Душа – Дух в возможности, в ней пробуждается сознание – первая стадия духовной жизни человека как непосредственная субстанция духа в состоянии в-себе-бытия. Душа человека – своеобразный микрокосм, находящийся между природой и миром нравственной свободы, она локализована в телесном образе человека. Мысль о всеобщности души необходима Гегелю для определения её как генетической основы становящегося сознания – второй стадии развития Духа. Сознание может содержаться в душе только бессознательно в виде смутных, неясных образов и осуществляет переход от единичного в ощущениях к всеобщему в определениях. Душа проявляется лишь как субъект и **центр** всех определений содержания, как **власть**, господствующая в непосредственном над миром чувствования. В сознании знание о бессознательном может быть дано нам только в осмысленной форме.

На стадии сознания душа существует не только как знание, но и как одно из духовных оснований человека, его субстанция, ибо человек не умирает после «снятия» души в сознании. В реальной жизни она продолжает существовать в виде объединяющего центра живых чувств. Если осмыслить этот факт, Дух как субстанциальное основание сущности человека обнаруживает полюсную структуру – единство души и сознания. Качественное различие души и сознания настолько велико, что их можно рассматривать как различные ступени становления субъективного (индивидуального) и исторического духа. Так, в античности и в средние века народы жили в основном душой, а человек Нового времени живет преимущественно сознанием, в онтогенезе развитие души относится к детству, а в зрелом возрасте человеку присуще сознание, содержащее в снятом виде элементы души.

Проблема состоит в том, что общепринятое определение сознания в широком смысле включает в себя ум (рассудок, разум), мышление и его результаты – понятия, знания; эмоционально-волевую компоненту, бессознательное сверхсознание [3, с. 158–159]. Нам представляется, что бессознательное и сверхсознание противоречат понятию «сознание» как области осмысленных представлений, знаний. Тогда закономерен вопрос: каким образом в структуру сознания включается бессознательное?

В соответствии с картезианской традицией современная наука отождествляет душу человека с сознанием. Более умеренную позицию занимает В.И. Молчанов, полагающий, что сознание включается в состав души. Однако данная ситуация включает в себе парадокс, поскольку в качестве знания рассматриваются живые чувства. Так, В.И. Молчанов пишет: «Сознание, или субъективность – это развитая психическая жизнь, поток переживаний, внутреннее напряжение души, страх и т.д.» [4, с. 76].

Мышление человека совершается в сознании. Сознание может наблюдать чувство, но не производить его. «Допустим, – пишет Л. Витгенштейн, – кто-то наблюдает собственное горе; каким органом чувств он его наблюдает? Каким-то особым органом, тем, которым чувствуем горе? Значит ли это, что, наблюдая его, он переживает иначе? И какое горе он наблюдает, – только то, которое существует в момент наблюдения? – Наблюдение не порождает наблюдаемого» [5, с. 271]. Следовательно, сознание описывает переживаемое чувство в понятийных или наглядных образах, но не испытывает его. Неидентичность чувства и его описание можно объяснить следующим образом: «...крик, который никак не назовёшь описанием, ибо он примитивнее любого описания, служит всё же как бы неким описанием душевной жизни» [5, с. 273]. Чувства являются функцией души, а не сознания. Л. Витген-

штейн говорит о душе как о «странной сущности», способной объединять людей с разным уровнем сознания [5, с. 161].

Решающее значение здесь имеют исследования в области психологии. Л.М. Веккер выделяет гносеологические и онтологические парадоксы психики [6, с. 10–29]. Концептуально-содержательная сущность онтологического парадокса субъекта заключается в следующем: высшие чувства, высшие мотивы, а тем более надстраивающиеся над ними интегральные психические свойства и образования, такие как принципиальность или самоотверженность личности, не могут быть даже описаны, а значит, не объяснены ни в терминах исходного физического носителя или органа (мозга) и даже организма в целом, ни в терминах инвариантного воспроизведения свойств объекта [6, с. 19].

Глубинной (трансперсональной) психологией установлен факт существования архетипов личного и коллективного бессознательного. К ним относятся эмоции, аффекты, первообразы, связанные с мифологическими мотивами, а также вызывающие связь души с космосом. Архетипы являются системами установок, которые передаются по наследству вместе со структурой мозга, выступают его психологическим аспектом, матрицей смыслов и эмоций [7, с. 135]. Они регулируют деятельность сознания. Существование архетипов бессознательного экспериментально доказаны опытами С. Грофа [8, с. 26–39].

Критикуя односторонность рационализма, психологи акцентируют внимание на парадоксе сознания, когда в него, помимо когнитивного элемента, включается эмоциональный и эмоционально-волевой. Суть парадокса состоит в том, что если рассматривать переживание в чистом виде, а сознание в качестве идеального отражения действительности, то не ясна роль человека как субъекта переживания и сознания.

Другой парадокс состоит в утверждении, что сознание чувствует и переживает. Как могут образы, мысли и знания переживаться сознанием? Чтобы снять этот парадокс, Декарт был вынужден признать, что мыслящая субстанция – душа – находится в одной из частей головного мозга. Действительно, душа человека является субъектом переживаемых чувств: любви, дружбы и др. Переживаемое чувство, как известно из психологии, двойственно, включает эмоции и образы предмета переживания и потому не может отождествляться с мышлением. Субъектом мышления служит только ум человека, выступающего в формах разума и рассудка, которые реализуются благодаря деятельности мозга.

Этот парадокс убедительно описывает А. Ухтомский. «Достаточно проникательная бдительность внимания и чтения себя самого, – пишет он, – это редкое состояние человека. Обычно царит «до-

сознательное». «Большая часть жизни нашей проходит в бесчувствии. В юности мы почти вовсе неразумны; когда наступает старость, то притупляется в нас всякое чувство» (Златоуст). Собственно «сознательная» и самоуправляющаяся личность есть редкое и очень трудное достигаемое состояние. Можно сказать, что господствует подлинно поддерживаемый дурман от страстей в ветхом Адаме... Поэтому Н.Е. Веденский был прав, когда говорил, что подлинно сознательная, самопонижающая деятельность есть редкое состояние человека, – отдельные острова посреди преобладающего моря стихийного волнующего психофизического ширения» [9, с. 255].

Следует отметить, что «море стихийного волнующего психофизического ширения» Н.Е. Веденского, «длящееся переживание» С. Франка В.В. Мелас называет «интервалом сознания» именно потому, что здесь нет сознания ни живого, ни мёртвого (и переживанием-воспоминанием) чувствованием и осмыслением прошедшего чувства, например любви Свана к Одетте у М. Пруста [10, с. 456]. На «разрыв сознания» в период сильного переживания указывает В.Ю. Сухачёв: «... феномен у Гуссерля – это данность действительности – непосредственности – *Anschauung*, установленного на что-либо, т.е. действительность взгляда *Anschauung*, содержащая непосредственное знание об этом что-либо и ограниченное горизонтальностью «сознательной жизни». Однако понимание такого анализа ведёт к своего рода эпистемическому сумасшествию: мы наталкиваемся при анализе *Zehenswelt* на нечто такое, что трудно назвать знанием, а ещё трудно назвать, что не столько дано, сколько придано сознанием. Вот именно здесь и начинается неприятный и болезненный процесс: сумасшествие, сход с ума – знание ищут там, где его быть не может, в этих разрывах сознания есть поступок, акция, страсть, ощущение, тело, но ни в коем случае там нет познания, сознания и даже языка» [11, с. 188–190].

Сказанное означает, что чистое переживание – страсть и «живое знание» – воспоминание о страсти – не одно и то же. Видимо, наблюдение страсти создается вследствие указанной идентификации, самоанализ осуществляется задним числом, может идти по свежим следам, когда ещё сохраняется непосредственность впечатления от пережитого чувства, но уже удаётся отстраниться от него и рассматривать как феномен сознания. Американский психолог Кэррол Э. Изард экспериментально показал, что «эмоции дают возможность человеку мгновенно реагировать на стимул, руководствуясь лишь сенсорной информацией или на основе процесса восприятия. Затем включаются когнитивные функции логического анализа и планирования» [12, с. 92].

Можно предположить, что напряжённое, сильное чувство (страсть, аффект) и одновременно мышление о нём нереальны. Человек не может одновременно мыслить и чувствовать, когда происходит нечто жизненно важное, тем более смертельно опасное для него. Он что-то делает, переживает, а потом уже осмысливает происходящее. Следовательно, переживание и акт осознания последовательны во времени (возможно, и в пространстве) и являются функциями различных центров психической жизни, соответственно души и сознания. В субъекте, когда работает мышление, направленное на себя, чувства или становятся неосознаваемыми (уходят в глубь себя), или умирают под скальпелем анализа. Душа чувствует, а ум осознаёт в разных временных интервалах. При этом ум может осмысливать переживаемое чувство, но всегда неполно, не проникая в скрытые глубины. Примечательно, что речь идет о возвышенных (высших), а не о телесных чувствах голода, жажды и т.п. При этом имеется в виду не автоматическое мышление, обеспечивающее устоявшиеся стереотипы поведения, когда рассудок работает в режиме «автопилота», обслуживая элементарные жизненные процессы без их осознания. Здесь анализируются иные процессы, когда то сознание, то душа вытесняют друг друга на периферию «психического поля» жизни человека.

Можно предположить, что в психике человека реализован принцип дополнительности, согласно которому наблюдатель не может одновременно регистрировать и «частицу» и «импульс», а воспринимает их только последовательно во времени. Примечательно, что первые импульсы приходят в кору головного мозга через 20–30 мс после подачи сигнала, а субъективные ощущения появляются

только спустя 120–130 мс [13, с. 174]. В критических ситуациях у человека, владеющего собой, преобладает работа сознания (ума), а в состоянии аффекта, сильной страсти, человека захватывают переживания, и если это состояние длится достаточно долго, оно может оцениваться как безумие.

Таким образом, неправомерно включать в состав внутренней душевной жизни сознание, ибо возникает гибридная конструкция «мыслящего чувства» или «чувствующего мышления». Вполне возможно, что душевная жизнь должна включать однородные, корреспондирующиеся между собой образования – душу как единство сил и способностей к чувствованию и переживание как деятельность и функцию души. Результат – состояние души, выражаемое в высших чувствах. Разумеется, что в состав сознания можно включать только знания о душевной жизни, но не живые чувства.

Следовательно, способы конституирования внутренней жизни человека можно рассматривать на сущностном уровне духовных оснований человека, где раскрывается диалектическое единство души и сознания. Душа оказывается центром психической жизни человека, конституирующей себя в способности к переживанию высоких и повседневных чувств. Конструктивной формой мышления (ума) является способность оперировать образами и понятиями. Сознание есть состояние ума человека, которое не включает в себя ни сверхсознание, ни бессознательное. Логика подсказывает, что субстанциональным основанием внутренней духовности человека является единство души и сознания, а в результатах деятельности – это мысли и чувства человека. Недопустима абсолютизация ни души, ни сознания, ибо они взаимодополняют друг друга.

Литература

1. Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб., 1995.
2. Гегель Г. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Философия духа. Т. 3. М., 1997.
3. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 1996.
4. Молчанов В.И. Субъективность и разум: Гуссерль, Гегель, Кант. Феноменологическая концепция сознания: проблемы и альтернативы. М., 1998.
5. Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994.
6. Веккер Л.М. Психологические процессы. Л., 1981.
7. Юнг К. Проблемы души нашего времени. М., 1994.
8. Гроф С., Хэлифакс Д. Человек перед лицом смерти. М., 1996.
9. Ухтомский А. Заслуженный собеседник. Рыбинск, 1997.
10. Мелас В.В. Переживание и действие // Очерки феноменологической философии. СПб., 1997.
11. Сухачёв В.Ю. Тематическое и нетематическое в анализе *Anschauung* // Очерки феноменологической философии. СПб., 1997.
12. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб., 2000.
13. Симонов П.В. Мотивированный мозг. Высшая нервная деятельность и естественнонаучные основы общей психологии. М., 1987.